

От автора всемирных бестселлеров
«Большая маленькая ложь» и «Тайна моего мужа»

ЯБЛОКИ

не падают

НИКОГДА

Очень, очень круто!

*Джоджо Мойес,
автор супербестселлера
«До встречи с тобой»*

И смешно, и страшно
одновременно.

Стивен Кинг

Лиана Мориарти

Оглавление

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Глава 54](#)

[Глава 55](#)

[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Глава 60](#)

[Глава 61](#)

[Глава 62](#)

[Глава 63](#)

[Глава 64](#)

[Глава 65](#)

[Глава 66](#)

[Глава 67](#)

[Глава 68](#)

[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Глава 71](#)

[Благодарности](#)

LIANE
MORIARTY

Книги
ЛИАНЫ МОРИАТИ

Тайна моего мужа
Что забыла Алиса
Большая маленькая ложь
Последняя любовь гипнотизера
Три желания
Последний шанс
Верные, безумные, виновные
Девять совсем незнакомых людей
Яблоки не падают никогда

Лиана Мориарти

Яблоки
не падают
НИКОГДА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Liane Moriarty
APPLES NEVER FALL
Copyright © Liane Moriarty, 2021
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van
Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Мориарти Л.

Яблоки не падают никогда : роман / Лиана Мориарти ; пер. с англ. Е.
Бутенко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022.

ISBN 978-5-389-20105-7

16+

У Стэна и Джой Делэйни, некогда известных теннисистов, четверо взрослых детей, которые, несмотря на внешнюю успешность, страдают от психологических травм родом из детства, вызванных соперничеством на теннисном корте и борьбой за внимание родителей. Ревность к родителям еще больше усиливается после того, как внезапно появившаяся в доме незнакомая молодая женщина по имени Саванна становится для Джой идеальной дочерью, о которой та всегда мечтала... Когда же Джой и Саванна неожиданно исчезают, подозрение падает на неуправляемого и властного отца семейства. В этой экстремальной ситуации дети супругов Делэйни делятся на два лагеря: двое думают, что их отец невиновен, а двое других в этом сомневаются. И в результате обе стороны оказываются противниками, возможно, в самом серьезном соревновании за всю историю семьи, а общая семейная история предстает в совершенно новом свете...
Впервые на русском языке!

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

«Азбука-Аттикус», 2022

Издательство Иностранка®

Моей матери с любовью

Пролог

На обочине дороги под серым дубом лежал велосипед, руль вывернут под странным углом, будто хозяин со злости швырнул своего железного коня что было силы.

Раннее утро субботы, пятый день сильнейшей жары. Больше сорока пожаров в буше полыхали по всему штату в разных местах. В шести районных центрах было объявлено предупреждение: «Немедленная эвакуация», но здесь, в пригороде Сиднея, опасности подвергались только астматики, которым рекомендовали не выходить из дому. Город накрыла зловещая желто-серая дымка, густая, как лондонский туман.

На пустынных улицах тихо, слышен лишь громкий стрекот цикад, доносящийся словно из-под земли. После беспокойных жарких ночей, проведенных в тревожной полудреме, большинство людей спали; одни лишь ранние пташки, позевывая, листали большими пальцами странички на экранах своих телефонов.

Брошенный велосипед был новехонький, в рекламе про такие пишут «винтажный дамский»: мятно-зеленый, семь скоростей, светло-коричневое кожаное сиденье и белая плетеная корзина. При виде подобного велика сразу воображаешь, что катишь на нем прохладным утром по европейской горной деревушке, на голове — берет вместо защитного шлема, а под мышкой — ароматный свежий багет с хрустящей корочкой.

На выжженной солнцем траве лежали четыре зеленых яблока, которые, видимо, выкатились из опрокинувшейся велосипедной корзинки.

Семейство черных мясных мух заняло места на

серебристых спицах велосипеда, насекомые сидели абсолютно неподвижно, словно мертвые.

Машина, «Холден V8 Коммодор», подрагивающая в ритме рока восьмидесятых, подъехала со стороны перекрестка на неуместно большой по меркам этой тихой семейной округи скорости.

Моргнули стоп-огни, и автомобиль задним ходом, скрипя шинами, подкатил к велосипеду и остановился. Музыка стихла. Вылез водитель с сигаретой в зубах. Худой, босой и с голой грудью, из одежды на нем — одни синие футбольные трусы. Оставив дверь открытой, он с отработанной балетной грацией на цыпочках дошел по уже горячему асфальту до травы, где присел на корточки, чтобы осмотреть велосипед. Погладил проколотую шину на переднем колесе, будто лапу раненого зверя. Мухи зажужжали, вдруг ожив и забеспокоившись.

Мужчина бросил взгляд в обе стороны вдоль пустой улицы; прищурившись, затянулся сигаретой, пожал плечами, после чего одной рукой подхватил велик и встал. Он подошел к машине и, ловко отцепив переднее колесо велосипеда с помощью специального рычажка, чтобы поместился, положил велосипед в багажник, как покупку.

Потом сел обратно в машину, захлопнул дверь и уехал, довольный собой, отстукивая на руле ритм песни «Highway to Hell» группы AC/DC. Вчера был День святого Валентина, и он, очевидно не веря в это капиталистическое дерьмо, собирался подарить находку своей жене со словами: «С прошедшим Днем святого Валентина, малышка», — и подмигнуть иронично, и это помогло бы исправить случившееся накануне, и были шансы, что сегодня вечером ему повезет.

Ему не повезло. Тотально. Через двадцать минут он был мертв, умер мгновенно после лобового столкновения. Водитель трейлера, съезжавшего с

шоссе, не заметил знака «Стоп», скрытого разросшимся амбровым деревом. Местные жители уже много месяцев жаловались на этот знак. Тут непременно случится авария, говорили они, так и вышло.

На жаре яблоки сгнили быстро.

Глава 1

Двое мужчин и две женщины сидели в дальнем углу кафе под фотографией в рамке — подсолнухи на рассвете в Тоскане. Рослые, как баскетболисты, они опирались локтями на круглую мозаичную столешницу и наклонялись друг к другу, так что почти тыкались лбами. Говорили они тихими, напряженными голосами, будто речь шла о международном шпионаже, что совершенно не соответствовало атмосфере приятного летнего субботнего утра и обстановке этого маленького загородного кафе, где воздух напоен ароматом свежееиспеченного грушево-бананового хлеба, а из стереосистемы лениво выплывают звуки мягкого рока под аккомпанемент промышленного шипения и скрежета помолы, издаваемых кофемашиной.

— По-моему, они братья и сестры, — сказала официантка боссу; сама она была единственным ребенком в семье, а потому чужие братья и сестры вызывали в ней жгучий интерес и компания за столиком ее заинтриговала. — Они и правда все очень похожи.

— Все болтают и болтают, видно, заказа от них не дождешься, — проворчал босс, который был одним из восьми детей и не находил ничего интересного в братьях и сестрах.

После страшнейшего ливня с градом на прошлой неделе и всю эту шли благословенные дожди. Пожары локализовали, дым рассеялся, одновременно просветлели и лица людей, в кафе снова появились посетители с наличными, так что им нужно было быстро

приспосабливаться к новой ситуации.

— Они говорят, что не успели посмотреть меню.

— Спроси их еще раз.

Официантка снова приблизилась к столику, заметив, что вся компания сидит в одной и той же позе — обхватив ногами передние ножки стульев, словно для того, чтобы не съехать с сидений.

— Извините?

Они ее не услышали. Все говорили одновременно, голоса перемешивались. Эти люди явно родственники. Даже их голоса звучали похоже: низкие, глубокие, хрипловатые, будто у всех больное горло и нездоровые тайны.

— Фактически она не пропала. Она прислала нам сообщение.

— Отец говорил, что исчез ее новый велосипед.

— Что? Это странно.

— Значит... она просто уехала по улице прямо в закат?

— Но она не взяла шлем. По-моему, это очень странно.

— Думаю, пора заявить о ее исчезновении.

— Прошло больше недели. Это слишком долго.

— Как я говорил, фактически она не...

— Она по всем признакам пропавшая, так как мы не знаем, где она.

Официантка повысила голос до такой степени, что он оказался в опасной близости к грубому:

— Вы готовы сделать заказ?

Они ее не услышали.

— Кто-нибудь уже заходил домой?

— Папа сказал, пожалуйста, не приходи. Говорит, он очень занят.

— Очень занят? Чем же это?

Официантка прошаркала мимо них между стульями и стеной, чтобы кто-нибудь ее заметил.

— Знаете, что может случиться, если мы заявим о ее исчезновении? — проговорил тот из двоих мужчин, что

выглядел получше. На нем была льняная рубашка с закатанными до локтя длинными рукавами, шорты и ботинки без носков. Ему едва перевалило за тридцать, предположила официантка, бородка клинышком и этакий низкопробный харизматический шарм звезды из реалити-шоу или агента по недвижимости. — Подозрение падет на отца.

— Подозрение в чем? — поинтересовался другой мужчина, потрепанная, урезанная ввысь и растянутая вширь, более дешевая версия первого. Бородки у него не было, он просто нуждался в бритве.

— Что он... понимаешь... — Хорошо одетый брат провел пальцем по шее.

Официантка притихла. Это был самый увлекательный разговор из всех, что она слышала за время работы в кафе.

— Боже, Трой! — воскликнул плохо одетый брат. — Это не смешно.

Первый пожал плечами:

— Полиция спросит, не ссорились ли они. Отец ответит, что ссорились.

— Но ведь...

— Может быть, папа и правда имеет к этому какое-то отношение, — сказала самая младшая из четверых женщина в коротком оранжевом платье в белую ромашку, надетом поверх завязанного на шее купальника, и в шлепанцах. Волосы у нее были выкрашены в голубой (официантка мечтала именно о таком оттенке) и закручены в мокрый липкий неряшливый узел на затылке над самой шеей. Руки у нее блестели, намазанные кремом от загара, будто она только что с пляжа, хотя отсюда до побережья было не меньше сорока минут езды. — Может, он сорвался. Может, он наконец сорвался.

— Прекратите, вы оба! — потребовала вторая женщина, в которой официантка опознала постоянную

посетительницу: самый большой, самый горячий кофе с соевым молоком.

Ее звали Бруки. Бруки — с «и» на конце. Они писали имена клиентов на крышечках стаканов, и однажды эта женщина заметила застенчивым, но твердым тоном, как будто не могла удержаться, что на конце ее имени нужно ставить «и». Она была вежливой, но неразговорчивой и обычно немного на взводе, как будто уже знала, что день у нее не задался. Она расплачивалась пятидолларовыми банкнотами и всегда оставляла монету в пятьдесят центов в кружке для чаевых. Каждый день на ней были темно-синяя рубашка поло, шорты и кроссовки с носками. Сегодня она оделась как для выходного дня — в юбку и топ, но все равно была похожа на военнослужащую в увольнении или на учительницу физкультуры, которая не купится на твои отговорки, мол, у меня живот скрутило.

— Отец никогда не поднял бы руку на маму, — сказала она своей сестре. — Никогда!

— О боже мой, конечно нет! Я пошутила! — Девушка с голубыми волосами всплеснула руками.

Официантка заметила морщины у нее вокруг глаз и у рта и поняла, что эта женщина вовсе не юная, просто одевается по-молодежному. Дама средних лет в маскировочном костюме. Издалека ей можно дать лет двадцать, а вблизи — все сорок. Вот так фокус.

— У мамы и папы был по-настоящему крепкий брак, — сказала Бруки с «и».

Что-то в ее голосе — какая-то обиженно-почтительная интонация натолкнула официантку на мысль: несмотря на строгость в одежде, она, вероятно, самая младшая из всех.

Хорошо одетый брат вопросительно взглянул на нее:

— Мы росли в одном доме?

— Я не знаю. А мы росли? Потому что я никогда не видела никаких признаков насилия... то есть... Господи!

— Ну я тоже этого не предполагаю. Я только говорю, что другие люди могут предположить.

Женщина с голубыми волосами подняла глаза и заметила официантку.

— О, простите! Мы все еще не определились! — Она взяла в руки заламинированное меню.

— Ничего, — ответила официантка, ей хотелось услышать побольше.

— Хотя мы все немного рассеянны. Наша мать пропала.

— Да что вы! Это... так тревожит вас? — Официантка не могла толком сообразить, как ей реагировать.

Они не выглядели очень уж сильно встревоженными. Все эти люди с виду гораздо старше ее, значит их мать совсем пожилая дама? Старушка? Как могла пропасть старушка? Деменция?

Бруки с «и» поморщилась и сказала сестре:

— Не болтай об этом.

— Извините. Наша мать, вероятно, пропала, — исправилась голубовласка. — Мы временно потеряли свою мать.

— Вам нужно произвести обратный отсчет, — с улыбкой предложила официантка. — Где вы видели ее в последний раз?

Последовала неловкая пауза. Все четверо взглянули на нее одинаковыми влажными карими глазами, очень серьезно. У всех были такие густые ресницы, что казалось, будто они подкрашены.

— А знаете, вы правы. Именно это нам и нужно сделать. — Женщина с голубыми волосами медленно кивнула, как будто всерьез обдумывала это легкомысленное замечание. — Произвести обратный отсчет.

— Мы все будем яблочный крамбл со сливками, — перебил ее хорошо одетый брат. — А потом поделимся с вами впечатлениями.

— Отлично. — Плохо одетый брат постучал краем своего меню по торцу столешницы.

— На завтрак? — поинтересовалась Бруки, но при этом криво усмехнулась, как будто с яблочным крамблом была связана какая-то только им понятная шутка, после чего все с облегчением, мол, «ну вот, с этим определились», отдали официантке меню, радуясь, что наконец от нее отделались.

Официантка нацарапала в блокнотике: «4 х яб. крам.» — и сбила меню рукой в аккуратную стопку.

— Слушайте, а кто-нибудь звонил ей? — спросил плохо одетый брат.

— Кофе? — спросила официантка.

— Мы все будем большой черный, — ответил хорошо одетый брат.

Официантка встретилась глазами с Бруки с «и», чтобы дать той возможность сказать: «Нет, вообще-то, я такой кофе не пью, я всегда беру самый большой и самый горячий с соевым молоком», — но та была занята — давала отповедь брату:

— Разумеется, мы звонили ей. Миллион раз. Я посылала ей эсэмэски. Письма по электронке. А вы нет?

— Значит, четыре больших черных.

— Не маме. *Ей*. — Плохо одетый брат поставил локти на стол и надавил пальцами на виски. — Саванна. Кто-нибудь пытался связаться с ней?

У официантки не осталось предлогов, чтобы нависать над ними и подслушивать.

Саванна — еще одна сестра? Почему ее нет здесь сегодня? Или она — семейный изгой? Дочь-мотовка? Поэтому ее имя приземлилось между ними столь зловеще? Так звонил ей кто-нибудь?

Официантка подошла к стойке, ударила по звонку ладонью и припечатала к столешнице листочек с заказом.

Глава 2

Прошлый сентябрь

Был ветреный вечер вторника, около одиннадцати часов. Трепетали и вихрились вместе с ветками бледно-розовые цветы сливы. Такси медленно ехало мимо домов эпохи реновации, перед каждым на подъездной дорожке — хороший седан среднего класса, а у обочины — аккуратное трио разноцветных мусорных баков на колесиках. Кольцехвостый поссум, захваченный светом фар, просеменил по изгороди из песчаника, твякнула разок и умолкла какая-то маленькая собачка. В воздухе пахло древесным дымом, скошенной травой и томящимся на огне ягненком. Свет в большинстве домов не горел, за исключением бдительно мигавших огоньков камер безопасности.

Джой Делэйни, из дома номер девять, задала работу посудомоечной машине, слушая в новомодных беспроводных наушниках, подаренных ей сыном на день рождения, последний подкаст, выложенный в сеть Парнем-с-Мигренью.

Джой — миниатюрная, ухоженная, энергичная женщина с блестящими, совершенно белыми волосами длиной до плеч. Она никак не может вспомнить, сколько ей — шестьдесят восемь или шестьдесят девять, иногда даже допускает, что, может быть, шестьдесят семь. (Ей шестьдесят девять.) В данный момент на ней джинсы, черный кардиган поверх полосатой футболки и шерстяные носки. Предполагается, что она выглядит «круто для своего возраста». Молодняк в магазинах часто говорит ей так. Но Джой всегда хочется ответить

им: «Вы понятия не имеете, сколько мне лет, милые идиоты, так откуда вам знать, круто ли я выгляжу для своего возраста?»

Ее муж, Стэн Делэйни, сидит в кресле-качалке в гостиной с пакетом льда на каждом колене и смотрит документальный фильм о самых больших мостах, приканчивая упаковку сладких крекеров с перцем чили, которые макает в баночку со сливочным кремом.

Их старая стаффордширская терьериха Штеффи, названная в честь Штеффи Граф, так как щенком она очень быстро бегала, устроилась на полу рядом с Джой и тайком жевала кусок газеты. За последний год Штеффи стала одержима поисками и уничтожением любой попадавшей в дом периодики; очевидно, это какое-то особое психологическое состояние у собак, вероятно вызванное стрессом, правда, никто не знал, что могло бы вызвать такой стресс у Штеффи.

По крайней мере, привычка старой псины жевать бумагу была более приемлемой, чем повадки Отиса, кота их соседки Каро, который начал таскать одежду из домов и уносить ее в глухой проулок, включая — о ужас! — нижнее белье, которое Каро стыдилась возвращать всем, за исключением Джой, разумеется.

Джой знала, что гигантские наушники делают ее похожей на инопланетянку, но ей было плевать. Долгие годы она молила своих детей вести себя потише и теперь не выносила тишины. Тишина завывала в ее так называемом опустевшем гнезде. Гнездо пустовало уже много лет, так что Джой могла бы привыкнуть, но в прошлом году они продали свой бизнес, и возникло ощущение, что на этом закончилось все, содрогнулось в последний раз и замерло навеки. В поисках шума Джой пристрастилась к подкастам. Часто она даже спать ложилась в наушниках, чтобы ее усыпила колыбельная неумолчного повелительного голоса.

Сама она мигренями не страдала, а вот ее младшая

дочь была им подвержена, и Джой слушала Парня-с-Мигренью, собирая полезные советы, которые могла бы передать Бруки, а также в качестве своего рода покаяния. В последние годы она начала испытывать доводящее до тошноты сожаление о том, с каким нетерпеливым безразличием сперва отмахнулась от детских головных болей Бруки, как они это тогда называли.

«Сожаление могло бы стать основным мотивом моих мемуаров», — подумала Джой, пытаясь запихнуть терку для сыра в посудомойку рядом со сковородой. «Жизнь, полная сожалений» Джой Делэйни.

Вчера она посетила первое занятие курса «Итак, вы хотите написать мемуары» в местном вечернем колледже. Джой этого не хотела, она просто составляла Каро компанию. Каро овдовела, была очень робкой и не хотела ходить одна. Джой поможет ей завести знакомства (она уже присмотрела кое-кого подходящего), а потом бросит занятия. Преподаватель объяснил им, что мемуары начинают писать с выбора темы, а дальше дело только за тем, чтобы подобрать истории, которые поддержат эту тему.

— Может быть, вы возьметесь за такую: «Я рос не на той стороне дороги, но взгляните на меня теперь», — сказал он, и все дамы в сшитых на заказ брюках и серьгах с жемчугом важно закивали и записали в своих новехоньких тетрадях: «Не та сторона дороги».

— Ну, по крайней мере, тема твоих мемуаров очевидна, — сказала Каро Джой по дороге к дому.

— Правда? — удивилась Джой.

— Это теннис. Твоя тема — теннис.

— Это не тема, — возразила Джой. — Темой может быть «мечь», или «успех вопреки всему», или...

— Ты можешь назвать их «Гейм, сет и матч. История семьи теннисистов».

— Но... мы ведь не звезды тенниса. Мы просто

организовали теннисную школу и местный клуб тенниса. Мы не семья Уильямс. — Почему-то комментарии Каро раздражали Джой, даже огорчали.

Каро крайне изумилась:

— О чем ты говоришь?! Теннис — страсть вашей семьи. Следуй своей страсти! А я про себя думаю: «Вот если бы у меня была страсть, как у Джой».

Джой сменила тему.

Сейчас она подняла взгляд от нутра посудомоечной машины и вспомнила Троя, когда тот был мальчиком, как он стоял на этой самой кухне, держа в руке ракетку как оружие, с порозовевшим от злости лицом, глазами, полными обвинений и слез, которым он не давал пролиться, и кричал:

— Я ненавижу теннис!

— Ох, какое самопожертвование! — воскликнула Эми, ее роль как старшей из детей в семье состояла в том, чтобы комментировать каждую семейную ссору и использовать напыщенные слова, которых остальные дети не понимали, тогда как Бруки, все еще маленькая и обожаемая, бросилась в неизбежные слезы, а лицо Логана стало тупым до идиотизма.

— Ты не ненавидишь теннис, — произнесла Джой.

Это был приказ. Она имела в виду: ты не можешь ненавидеть теннис, Трой. Она говорила: «У меня нет ни времени, ни сил, чтобы позволить тебе ненавидеть теннис».

Джой встряхнула головой, желая прогнать воспоминание, и попыталась вернуть внимание к подкасту.

— «...Зигзагообразные линии, которые проплывают по вашему полю зрения, мерцающие точки или звездочки... Люди, у которых наблюдаются симптомы ауры мигрени, говорят, что...»

Трой на самом деле не ненавидел теннис. Некоторые из лучших семейных воспоминаний были связаны у них

с кортом. Большинство. Самых счастливых воспоминаний. Но и некоторые из худших тоже, ну да ладно. Трой и сейчас играет. Если бы он действительно ненавидел теннис, то не брал бы в руки ракетку, ведь ему уже за тридцать.

Был ли теннис темой ее жизни?

Может, Каро права. Они со Стэном могли бы вообще не встретиться, если бы не теннис.

Больше полувека назад. Вечеринка по случаю дня рождения в маленьком, набитом людьми доме. Головы раскачивались в такт с песней «Porsogn» группы *Hot Butter*. Восемнадцатилетняя Джой обхватила пальцами толстую зеленую ножку винного бокала, наполненного до краев теплым мозельским.

— Где Джой? Тебе нужно познакомиться с Джой. Она только что выиграла большой турнир.

Эти слова разомкнули тесный полукруг людей, обступивших парня, который стоял, прислонившись спиной к стене. Он был гигант, чудовищно высокий и широкоплечий, с густыми длинными кудрявыми волосами, завязанными сзади в хвост, в одной руке — сигарета, в другой — банка пива. В семидесятые парни-спортсмены могли дымить как паровозы. У него были ямочки на щеках, но появились они, только когда он увидел Джой.

— Нам нужно как-нибудь постучать ракетками, — сказал гигант.

Она никогда еще не слышала такого низкого тягучего голоса, по крайней мере у парня своего возраста. Люди даже посмеивались и пытались передразнивать его. Шутили, мол, у Стэна голос как у Джонни Кэша. Он не подражал ему. Просто у него была такая манера речи. Говорил он мало, зато, что бы ни сказал, все звучало значительно.

Они были не единственными теннисистами на той вечеринке, но единственными чемпионами. Их свела

судьба, неотвратимая, как в волшебной сказке. Если бы они не встретились в тот вечер, это все равно когда-нибудь случилось бы. Теннисный мир тесен.

На выходных они сыграли свой первый матч. Джой уступила 6-4, 6-4, после чего сразу отдала ему и свою девственность, несмотря на то что мать предупреждала ее о важности воздерживаться от секса, если ей когда-нибудь понравится мальчик: «Зачем покупать корову, когда молоко можно получить бесплатно?» Услышав эту фразу, ее дочери взвизгнули.

Джой сказала Стэну, что легла с ним в постель только из-за его подачи. Это была великолепная подача. Джой до сих пор восхищалась ею, ожидая той доли секунды, когда время замирает и Стэн превращается в скульптуру теннисиста, занесшего ракетку над головой, а потом... *жах!*

Стэн ответил, что лег с ней в постель только из-за ее обманного удара с лёта, а потом добавил своим низким тягучим голосом прямо в ухо: «Нет, это неправда, тебе еще нужно поработать над ударом с лёта, ты слишком набегаешь на сетку. Я лег с тобой в постель, потому что, как только увидел твои ножки, захотел, чтобы они обвились вокруг моей спины», — и Джой впала в экстаз, это прозвучало на ее вкус так дико и поэтично, хотя критику своего удара с лёта она не оценила.

— «...это ведет к высвобождению нейротрансмиттеров...»

Джой взглянула на терку с приставшими к зубцам кусочками моркови — посудомойка с этим не справится. Сполоснула ее в раковине.

— Почему я выполняю за тебя твою работу? — упрекнула Джой машину и вспомнила себя в те годы, когда таких механизмов еще не было и она стояла у мойки, опустив руки в резиновых перчатках в горячую мыльную воду, а сбоку — небоскреб из грязных тарелок.

В последнее время ее прошлое все чаще натывалось на

настоящее. Вчера она очнулась от дремоты в панике, с мыслью, что забыла забрать из школы одного из детей. Ей потребовалась добрая минута, чтобы вспомнить: все ее дети уже взрослые — взрослые с морщинами и ипотекой, степенями и планами путешествий.

Джой задумалась: не признаки ли это старческого слабоумия? Ее подруга Линда, работавшая в доме престарелых, говорила, что каждый день в то время, когда детей забирают из школы, по их заведению прокатывается волна беспокойства: пожилые дамы начинают волноваться, убежденные, что им нужно успеть за давно уже выросшими детьми. От этого рассказа Джой прослезилась, и теперь почти то же самое происходило с ней.

— Вероятно, мой высокий интеллект маскирует симптомы деменции, — сказала Джой Стэну.

— Не могу утверждать, что я это заметил, — отозвался тот.

— Симптомы моей деменции? Или мой высокий интеллект?

— Ну сам-то я всегда отличался слабым умом, — буркнул он и ушел, вероятно, забраться на лестницу, потому как сыновья предупредили его, что в семьдесят лет уже не стоит лазать по лесенкам, после чего Стэн старательно находил предлоги, чтобы делать это как можно чаще.

Накануне вечером Джой слушала очень информативный подкаст под названием «Жизнь с деменцией».

Терка для сыра отказывалась помещаться рядом со сковородой в посудомоечную машину. Джой внимательно рассмотрела оба предмета. Казалось, эту задачку она в состоянии решить.

— «...запускают изменения в размере кровяных сосудов...» — сказал Парень-с-Мигренью.

Что? Придется перемотать назад этот подкаст и начать

с начала.

Она слышала, что уход на пенсию приводит к быстрому угасанию функций мозга. Может, именно это с ней и происходит? Атрофия лобной доли.

Они думали, что готовы отойти от дел. Продажа теннисной школы казалась очевидным и неизбежным следующим шагом в их жизни. Не могли же они тренировать вечно, и ни один из их детей не пожелал взять семейное дело в свои руки. К сожалению, все они до обидного не интересовались этим. Стэн годами лелеял дикую мечту, что Логан купит долю в фирме Делэйни: это старомодная идея, что старший сын станет гордым продолжателем его дела. «Логан был отличным тренером, — бормотал он. — В нем есть это. Правда есть».

Бедняга Логан пришел в неопиcуемый ужас, когда Стэн робко предположил, что его, вероятно, заинтересует покупка бизнеса. «Он не слишком увлечен этим, да?» — заметил Стэн в разговоре с Джой, и та рывкнула на него, так как не выносила, когда кто-то критиковал ее детей, особенно если критика была обоснованной.

Поэтому они продали свою школу. Хорошим людям за приличные деньги. Джой не предполагала, что будет испытывать чувство утраты. Она не осознавала, насколько сильно определяла их самих и всю их жизнь Теннисная академия Делэйни. Кто они теперь? Еще одна пара кенгуру?

Хвала Господу за их теннис! Самый последний трофей стоял, тяжелый и гордый, на серванте, готовый показаться, когда все соберутся вместе в День отца. Колени Стэна сейчас расплачивались за него, но то была чистая победа над двумя технически совершенными игроками: Джой и Стэн держали сетку, атаковали по центру и не теряли самообладания. Оно у них еще имелось.

Вдобавок к турнирам они продолжали по пятницам играть на вечерних клубных соревнованиях, которые много лет назад организовала Джой, хотя в последнее время эти мини-турниры стали невеселыми, так как люди один за другим покидали сей мир. Шесть месяцев назад прямо на корте умер Деннис Кростос. Со своей женой Дебби он играл против Джой и Стэна, и это было ужасно. Джой считала, что сердце Денниса не выдержало возбуждения от мысли, что он вот-вот возьмет подачу Стэна. Втайне она винила мужа за то, что он позволил Денни загореться такой мыслью. Стэн намеренно довел гейм до счета 40-0 ради собственного удовольствия. Джой потребовалось собрать всю силу воли, чтобы не сказать ему: «Стэн, ты убил Денниса Кростоса».

Правда состояла в том, что они со Стэном не годились для жизни на пенсии. Шестинедельный отпуск мечты в Европе превратился в катастрофу. Даже Уимблдон. Особенно Уимблдон. Когда самолет приземлился в Сиднее, они оба испытали головокружительное чувство облегчения и не признались в нем никому — ни друзьям, ни детям, ни даже друг другу.

Иногда они пытались делать то же, что и другие их приятели-пенсионеры, например проводили «приятный день на пляже». В результате Джой сильно порезала ступню об устричную раковину, и они получили штраф за неправильную парковку. Это напомнило ей о тех случаях, когда они со Стэном загорались абсурдной идеей вывезти детей на пикник, и она старалась делать вид, будто они очень мило проводят время на природе, но что-нибудь неизбежно шло наперекосяк: кто-то обязательно был не в духе, или они сбивались с пути, или начинался дождь, как только они добирались до места, и дорога домой проходила в угрюмом молчании, прерываемом лишь регулярными всхлипами того ребенка, который считал, что его несправедливо за что-

нибудь отругали.

— Вообще, мы на пенсии стали такими романтичными, — сказала ей одна чересчур трескучая подруга, отчего Джой едва не стошнило, однако на следующей неделе она в качестве забавного жеста купила в фуд-корте торгового центра два банановых молочных коктейля, так как они со Стэном брали такие на завтрак в молочных барах разных мелких городишек, когда в ранние годы брака разъезжали по региональным турнирам. На мотелях они сэкономили и спали в машине, а любовью занимались на заднем сиденье.

Однако было очевидно, что Стэн вообще не помнит никаких банановых молочных коктейлей, а по пути домой он, без необходимости драматизируя ситуацию, ударил по тормозам, когда кто-то выскочил перед ними на дорогу, и коктейль вылетел из рук Джой, так что теперь в их машине постоянно отвратительно пахло прокисшим молоком — тухлый запах неудачи. Стэн говорил, что ничего не чувствует.

Нужно быть другими людьми, чтобы уйти на пенсию с достоинством и пафосом, как сделали их друзья. Поменьше ворчать, особенно Стэну, иметь более широкие интересы и разнообразные хобби, помимо тенниса. Или хотя бы внуков.

Внуки.

Одно это слово наполняло Джой какими-то необъятным и очень сложным по составу эмоций чувством, зарезервированным для молодых: желание, злость и, самое худшее, ядовитая, горькая зависть.

Джой понимала, что одного маленького внука или внучки хватило бы, чтобы прекратить рев тишины, чтобы ее дни заклокотали и пузырясто потекли обратно к жизни, но нельзя же просить своих детей о внуках. Как унижительно! Как банально! Джой считала себя человеком более интересным и искушенным в жизни, чтобы опускаться до такого. Она была феминисткой.

Спортсменкой. Успешным предпринимателем. Она отказывалась следовать общепринятым клише.

Это случится. Нужно только терпеливо ждать. У нее четверо детей. Четыре лотерейных билетика, хотя двое из четверых ее отпрысков были одиноки, так что, вероятно, в настоящий момент их нельзя рассматривать в качестве билетиков. Но двое других состояли в прочных, многолетних отношениях. Логан и его девушка Индира жили вместе уже пять лет. Они не были женаты, но какое это имеет значение. Индира восхитительна, и в последний раз, когда Джой ее видела, у нее точно был какой-то загадочный и таинственный вид, словно она хотела сообщить о чем-то, но сдерживалась: может, ждала двенадцати недель?

Бруки и Грант счастливы в браке, обзавелись благодаря кредитам приличным домом и семейным авто, к тому же Грант старше, значит скоро расклад может сойтись. Если бы только Бруки не взялась заниматься физиотерапевтической практикой. Это было достойно восхищения — Стэн заливался краской от гордости всякий раз, как кто-нибудь упоминал об этом, — но вести собственный бизнес непросто, а страдающие от мигреней должны контролировать уровень стресса. Бруки слишком упертая. Но конечно, скоро она захочет ребенка. Ей известны все новейшие медицинские советы, так что она не станет откладывать до последнего момента.

Втайне Джой надеялась, что дети придумают какой-нибудь необычный способ сообщить ей о беременности, как делают дети других людей на YouTube. Они могли бы, к примеру, красиво упаковать картинку с УЗИ, а потом заснять реакцию открывающей «подарок» матери: изумление, которое сменяется пониманием, рука зажимает рот, слезы и объятия. Они могли бы опубликовать это на своих страницах в соцсетях. *Джой узнаёт, что скоро станет бабушкой!* Видео может стать

вирусным. Джой всегда старалась приодеться, когда дети приходили к ней — так, на всякий случай.

Своими фантазиями она не поделилась бы ни с кем. Даже с собакой.

Парень-с-Мигренью тоном искусителя вещал ей в уши:

— Давайте поговорим о магнезии.

— Отличная идея. Давай, — согласилась Джой.

Сковорода и терка никак не могли уместиться рядом. Решение не приходило. Терке придется пропустить помывку. Она и так чистая. Джой поднялась от посудомойки и обнаружила, что прямо перед ней стоит муж, будто успел мгновенно телепортироваться.

— О боже!.. Черт!.. Что за?! — вскрикнула она, спустила наушники на шею и приложила руку к заколотившемуся сердцу. — Не пугай меня так!

— Почему кто-то стучит в дверь?

Губы у Стэна были оранжевые от крекеров с перцем. На коленках джинсов — влажные круги от пакетов с тающим льдом. Один вид его вызывал раздражение, так он еще смотрел на Джой сверху вниз с таким укоризненным выражением, будто это она виновата, что в дверь стучат.

Штеффи уселась рядом со Стэном, наострив уши, глаза у псины сияли от сладчайшего предвкушения прогулки.

Джой глянула на часы, висевшие на стене в кухне. Поздновато для доставки или маркетингового исследования. Поздновато для внезапного визита кого-нибудь из друзей или родных, тем более что теперь никто больше не заходил к ним без звонка.

Она окинула мужа взглядом. Может, это у него деменция. Из проведенного ею исследования Джой сделала вывод, что супруг больного должен быть терпеливым и снисходительным.

— Я ничего не слышала, — сказала она терпеливо и снисходительно.